

**Електронна бібліотека
видань історичного факультету
Харківського університету**

Скоробогатов А. В. "Жизнь с врагом": повседневная жизнь в оккупированном немцами Харькове (1941 - 1943) // Эпоха. Культуры. Люди (история повседневности и культурная история Германии и Советского Союза. 1920 – 1950-е годы) / Материалы международной научной конференции (Харьков, сентябрь 2003 г.): Сб. докладов. – Харьков: Восточно-региональный центр гуманитарно-образовательных инициатив, 2004. – С. 312 – 325.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **E-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автор статті

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництва

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський

«ЖИЗНЬ С ВРАГОМ»: ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В ОККУПИРОВАННОМ НЕМЦАМИ ХАРЬКОВЕ (1941 – 1943)

Почти 60 лет минуло после окончания Второй мировой войны — этой наибольшей трагедии человечества прошлого столетия. Трудно найти в истории события, которые по своим масштабам и геополитическим последствиям можно было бы поставить рядом с минувшей войной. Она перемолола и искалечила миллионы человеческих судеб, определила направление развития мира. Война осталась в сознании народов бывшего СССР как наиболее значительное событие советской истории. Об этом свидетельствуют и многочисленные социологические опросы населения [1, с 8].

Огромное внимание истории войны уделяли учёные. Нелегко подсчитать, но, наверное, о разных её аспектах в СССР было написано больше, чем о любом другом хронологическом периоде. Были изданы десятки тысяч научных и научно-популярных работ, документальных публикаций и мемуаров миллиардным тиражом. И сейчас проблемы истории Второй мировой войны остаются одними из наиболее исследуемых в мире. Обращение некоторых западных авторов к стандарту интернет принесло им 98 100 сайтов [2, р. 7], посвящённых Второй мировой войне.

Безусловно, не только количественные показатели характеризовали советскую историографию войны. В этой литературе было много реальных, правдивых фактов, фамилий героев, но значительно меньше живых людей. Фактически история войны превратилась в героико-эпическое полотно, где главными действующими лицами были партия, классы, народные массы. Господствующие в обществе культ героизма, самопожертвования, решающей роли масс в истории, революционного подъёма

на деле означали отказ от повседневности, будничности, в конце концов интереса к жизни простого человека. История войны превращалась во всё что угодно: в историю военных действий, дипломатии, экономики, тыла, но не жизни простого человека во время войны. В значительной мере она становилась невыразительной и беспристрастной. Известные специалисты по истории войны профессора из Германии Бернд Бонвеч и США Роберт Турстон имеют основание утверждать, что «война стала почти классным уроком, иссушающим ее тяжелую боль и страдания, чувства и тревоги, надежду и иногда даже радость» [2, р. 3].

И потому восприятие войны со стороны населения становилось всё более неадекватным. Если в 1940 — 1950-х годах был очевидным разрыв между массовым, ещё свежим личным опытом войны и официально-парадной версией, то в дальнейшем, с приходом в социальную жизнь уже трёх не воевавших поколений, массовое представление о войне всё больше следовало провозглашённым канонам, всё более забывалось субъективное восприятие войны, её действительная трагедия для обычного человека, боль и слезы. С годами этот разрыв зафиксировался в подсознании широких масс населения. Между тем и субъективное восприятие войны имеет огромное значение для воспроизведения её полной картины. И дело не только в том, что «окопная правда» солдата существенно отличается от маршальских воспоминаний. Если бы у обычного человека спросили о войне в тот момент, когда он заоченел от холода или обесилел от истощения и нечеловеческого напряжения, испытал физическое насилие и психологический шок, то и эта непосредственно живая, неприкрашенная оценка была бы такой же правдой войны, как и слёзы радости в День Победы. И потому задача современных историков состоит в том, чтобы воссоздать максимально полную историю войны, показать, чем она была в действительности и что означала для простых людей. Иными словами, показать человеческое измерение войны, её социальную проекцию.

Такой подход является особенно актуальным для исследования истории войны в Украине. Она была связана с оккупаци-

онным периодом, так как подавляющее большинство населения, свыше 30 млн, находились под немцами. По большому счёту, история войны в Украине есть прежде всего история оккупации. Эту очень простую вещь фактически проигнорировали в послевоенный период, что признаёт сейчас большинство историков [3, с. 6; 4, с. 132]. Даже иностранные исследователи подчёркивают, что «мы имеем историю немцев в Советском Союзе, но не историю Советского Союза в период немецкой оккупации» [2, р. 3] .

Большой интерес в рамках этой темы представляют проблемы «город и война», «город и оккупация», особенно такой мегаполис, как Харьков. На протяжении 1920 — начала 1930-х годов Харьков был столицей Советской Украины, её крупнейшим индустриальным центром. Достаточно отметить, что накануне войны здесь было сконцентрировано 40 % машиностроительных мощностей Украины и проживало около 900 тыс. человек. С началом войны на город неоднократно накатывались волны эвакуированных и беженцев с Запада, в оккупации осталось почти 460 тыс., а примером, в Киеве — около 365 тыс. [5, с. 28].

Ещё более впечатляющую картину нарисовал в октябре 1943 года председатель Харьковского горсовета А. И. Селиванов: «Надо учесть, — заявлял он, — что Харьков перед войной имел 928 тыс. населения. Я не говорю об окраинах Харькова, где находился главным образом рабочий люд. К нам приезжали каждый день 250 тыс. человек — это не входит в миллион. К нам был большой наплыв из Западной Украины. Мы стали выдавать карточки в августе 1941 года и было около 1 400 тыс. человек, связанных с жизнью Харькова, и работающих в городе было полтора миллиона человек» [6, ф. 1, оп. 70, д. 110, л. 168]. Если принять во внимание эти соображения, индустриальный и человеческий потенциал города, то можно сделать вывод, что Харьков был крупнейшим городом Советского Союза, оккупированным вермахтом. Именно так расценивали роль города некоторые западные исследователи [7, S. 220], а также немецкие военные, которые захватили город [8, RH 26-57/25].

Оккупация Харькова немецкими войсками продолжалась с 24 октября 1941 года, с небольшим перерывом в феврале-марте 1943 года, до 23 августа 1943 года. Наведение общего порядка и замирение города были возложены, кроме городской и трёх местных комендатур, также на две оккупационные дивизии — 57-ю и 68-ю. Кроме них, в Харькове были расквартированы многочисленные немецкие учреждения и воинские подразделения. Всего в городе находились около 100 тыс. солдат вермахта [10, КМФ-8, оп. 2, д. 138, л. 58].

Проведение в жизнь политической линии нацистского руководства Германии осуществлялось в первую очередь полицейско-репрессивным аппаратом: зондеркомандой 4а во главе с Паулем Блобелем, стационарной службой СД во главе со штурмбанфюрером СС Кранебиттером, а также немецкими и украинскими полицейскими силами — тайной фельдполицией, жандармерией, шуцполицией, шуцманшафтом. Это были немалые полицейские силы, которые устанавливали нацистский порядок в городе. В целом, деятельность военных в Харькове убеждает в справедливости сделанного уже ранее учёными вывода об их ответственности за преступления против человечества, отрицает версию о «чистом» вермахте.

Как свидетельствуют данные первой поднемецкой регистрации населения Харькова в декабре 1941 года, его численность составляла 456,6 тыс. человек, в том числе женщин в возрасте 16 — 60 лет — 171 тыс., детей до 16 лет — 128 тыс. и людей преклонного возраста свыше 60 лет — 48,4 тыс. [9, ф. Р-2982, оп. 2, д. 16, л. 54]. Итак, 77 % населения Харькова составляли женщины, дети и старики — наиболее уязвимые его категории, которых Советская власть предоставила самим себе. Именно на них легло всё бремя оккупационного режима.

Разделяя тактику «выжженной земли», сталинские вельможи эвакуировали в тыл страны и уничтожали не только производственный потенциал, но и продовольствие, разрушили коммунальное хозяйство города. Секретарь Харьковского обкома партии А. Епишев в своём отчёте в Москву отмечал: «Город Харьков оставлен врагу без света, воды, канализации, без запа-

сов топлива и каких-нибудь запасов хлеба и других продовольственных товаров...» [9, ф. П-2, оп. 31, д. 4, л. 24]. Город был оставлен врагу вместе с его жителями!

Такими были действия родной власти, чего же можно было ожидать от нацистского руководства Германии, которое, исходя из принципов «истребительной войны» против СССР, разработало накануне войны далеко идущие планы уничтожения его народов через «стратегию голода». В соответствии с этой стратегией планировало кампанию и военное командование. В конце концов, это один из законов войны, завоеватели кормятся «из земли», которую они покоряют. Тем не менее, уже в ходе войны, особенно после провала блицкрига, всё отчётливее набирали силу прагматические соображения. Постоянно возрастающие потребности фронта усложнялись не столько состоянием тыла, сколько положением местной рабочей силы, которую надо было накормить. Постепенно возникает потребность исключить из «стратегии голода» часть местного населения.

Конечно, у военных были свои проблемы. Им надо было обеспечить бесперебойное снабжение продовольствием солдат вермахта. Документы тыловых служб 6 А по этому поводу свидетельствуют о довольно напряжённом положении со снабжением армии осенью 1941 года. Харьковщина в значительной мере была опустошена, в особенности в результате произвольных реквизиций со стороны военных. А подвоз продовольствия из тыла тормозился транспортной проблемой. И всё-таки снабжение продовольствием войск и рейха было налажено. По сообщению экономической инспекции, уже в конце 1941 — начале 1942 годов войска были обеспечены из сельских районов: мукой — на 100 %, свежим мясом — на 100 %, ужином — на 100 %, жиром — на 10 %, табачными изделиями — на 10 %. Кони были обеспечены овсом и соломой на 100 % [10, КМФ-8, оп. 2, д. 157, т. 5, л. 19]. Весной 1942 года каждый немецкий солдат должен был получать под надзором даже 14 г рыбьего жира в неделю.

На таком фоне особенно трагично выглядит судьба харьковчан, ибо с началом оккупации города голод достиг ужасных

масштабов. В городе не существовало ни одного канала организованного снабжения хлебом. Это был голодомор, какого город ещё не видел. Люди опухали от голода и гибли. По некоторым данным, в городе от голода умерло до 30 тыс. человек [11, с. 38, 50]. Весной 1942 года голод был причиной смерти более чем 70 % людей [9, ф. Р-2982, оп. 3, д. 79, л. 103; оп. 4, д.390 а, л. 4; оп. 8, д. 24, л. 97–98]. Уровень смертности населения был такой, что при его сохранении полное обезлюдение ожидало город на протяжении 10 лет. Постепенно голод медленно отступал, особенно с августа 1942 года, когда была введена карточная система, но он никогда не был ликвидирован.

Карточная система в Харькове не была тождественной немецкой. Обеспечение по карточкам не было обязательным, часто прерывалось. Общегражданский рацион в Германии составлял 2000 калорий и складывался таким образом: хлеб ржаной – 2350 г, картофель – 4500 г, сыр – 60 г, яйца – 1, крупа – 400 г, маргарин – 200 г, сахар – 150 г, повидло – 175 г, мясо – 300 г, молоко – 2 л, соль – 140 г [9, ф. Р-2982, оп. 5, д. 27, л. 4].

В то же время харьковчане имели продуктовую пайку по калорийности в 2,5 раза меньше, так как она равнялась лишь 791 каллории [9, ф. Р-2982, оп. 5, д. 27, л. 4]. Даже по нормам тяжёлого производства работающим выдавали на неделю 2000 – 2500 г хлеба, 75 г жиров, 250 г крупы, 300 г соли, 200 г подсолнечных семян, 75 г сахара [9, ф. Р-2982, оп. 5, д. 81–82]. Нормы снабжения не были постоянными и часто изменялись. В самые благоприятные периоды питание получали 80–90 тыс. человек, то есть меньшая часть харьковчан. И, вдобавок, голодный рацион не обеспечивал элементарного выживания человека.

Поэтому важнейшим источником снабжения продовольствием в период оккупации были 14 рынков города. Но цены..., от них кружилась голова, в особенности в сложные времена начала оккупации. Так, цена 1 кг ржи на 1 февраля 1942 года составляла 167 руб., пшеницы – 250 руб., ячменя – 206 руб., кукурузы – 222 руб., гороха – 250 руб., картофеля – 100 руб., лука – 100 руб., свеклы – 80 руб., масла животного – 2400 руб., сала –

2000 руб., сахара — 833 руб. [9, ф. Р-2982, оп. 7, д. 1, л. 1 — 5]. И это при отсутствии денежных доходов населения или при среднемесячной зарплате в размере 500 — 600 руб.

Безусловно, в такой ситуации люди могли жить только за счёт продажи собственных вещей. Среди населения Харькова возникает сначала спорадическое, а потом массовое явление — движение на село, или на мены. Главной целью этих мен было обменять домашние вещи на продовольствие непосредственно в сельских районах области. Мать Л. Гурченко обменяла на селе за макинтош и шевиотовое пальто мешок муки, сало и бидончик меда [12, с. 41]. С течением времени условия обмена для горожан значительно ухудшились, что заставляло горожан расширять маршруты мены, достигать даже районов других областей. Можно сказать, что мены спасли жизнь городу.

Очень серьёзным испытанием для харьковчан стала зима 1941—1942 годов. Морозы пришли очень рано. Уже в ноябре среднесуточная температура в Харькове составляла минус 4,4°, а по средним данным за предыдущие 48 лет наблюдений — плюс 0,8°. В январе 1942 года среднесуточная температура равнялась минус 15,8° при средних показателях минус 6,9°. Столбик термометра опускался до минус 32,6°, а высота снежного покрова составляла 54 см [9, ф. 2982, оп. 4, д. 140, л. 56]. Западные люди склонны преувеличивать «русские морозы», ощущая перед ними какой-то ужас. Даже серьёзные исследователи на Западе тиражируют, например, записи Гудериана, который зафиксировал в Подмосковье 10 декабря 1941 года температуру минус 63°. «Солдаты, которым посчастливилось найти полевую кухню, — пишет Лен Дейтон, — обнаруживали, что кипящий суп успевал замерзнуть, прежде чем они его доедали. Тот, кто снимал штаны, чтобы опорожниться, умирал от переохлаждения кишечника» [13, с. 546]. Нет, таких морозов здесь никогда не было. Но и при минус 30—35 °С, из-за отсутствия у населения угля и дров, разрушения тепловой сети, холод становился страшным врагом.

Настоящей бедой для харьковчан стало разрушение водопровода и отсутствие питьевой воды. Снабжения населения водой сначала вообще не было. В особенности тяжёлое положе-

ние было зимой 1941—1942 годов, когда главным источником водоснабжения стали харьковские реки. Возле прорубей выстраивались очереди стариков, детей, женщин. Измождённые люди должны были приложить немалые усилия, чтобы преодолеть склоны рек Харьков и Лопань, Журавлёвские кручи, попасть в Нагорный район, где их уже ждали немецкие солдаты, которые использовали воду для различных целей. Обессиленному человеку приходилось заправлять, например, немецкое авто и снова плестись за водой. Многие люди при этом падали.

В соответствии с установками новой власти всё население должно было работать на немцев. По требованиям военного времени население Харькова сразу же было мобилизовано на выполнение разных оборонительных работ, а 23 марта 1942 года комендант Харькова издал приказ о введении всеобщей трудовой повинности [14, 1942. — 25 марта]. За невыполнение этого указа, отказ от работы, говорилось в приказе, виновные будут строго наказаны [14, 1942. — 25 марта]. Очень часто мобилизация рабочей силы приобретала характер воинских операций, в особенности с приближением фронта и использованием населения на оборонительных работах. В целом во 2-й половине 1942 года — 1-й половине 1943 года на разных работах в Харькове использовалось приблизительно 60 — 65 тыс. человек [10, ф. 3080, оп. 1с, д. 37, л. 7], что составляло более чем половину населения трудоспособного возраста.

Очень сильно дестабилизировали жизнь в Харькове насильственные акции в отношении «остарбайтеров» с целью депортации их в Германию. Они были разными по форме — от регистрации местного населения на бирже труда и до откровенно грубой охоты на людей [15, S. 467 — 469]. К сожалению, имеющиеся сейчас статистические данные о численности «остарбайтеров» не позволяют окончательно решить этот вопрос. По данным Харьковской городской управы, за семь месяцев 1942 года из Харькова в Германию было вывезено 33 701 специалист [10, ф. 2982, оп. 5, д. 16, л. 26, табл. 27]. По другим данным управы, за одиннадцать месяцев 1942 года в Германию было вывезено 43 262 харьковчанина [10, ф. 2982, оп. 5, д. 24, дополнения за

ноябрь 1942]. По данным немецких органов — хозяйственного управления Харькова (Викдо) — численность отправленных в Германию рабочих-специалистов из Харькова увеличилась на 20 августа 1942 года до 66 521 человека [10, КМФ-8, оп. 2, д. 156, л. 382]. Наконец, по официальным советским данным, всего за период оккупации из Харькова было вывезено 110 тыс. принудительных рабочих [9, ф. П-2, оп. 14, д. 1, л. 9].

Большое влияние на сознание и действия широких масс населения оказала церковь. С нападением на СССР Германия задекларировала свободу вероисповедания для местного населения [9, ф. Р-3086, оп. 1, д. 1с, л. 22]. Учитывая это, уже на начальном этапе оккупации Харькова в городе возрождает свою деятельность православная церковь. В результате уже в 1942 году на Харьковщине действовало свыше 200 церквей, в то время как накануне войны в Харькове работала лишь одна — Казанская — церковь [14, 1942, 31 марта]. Особенно быстрыми темпами шло развитие приходов Украинской автокефальной православной церкви, на которую сначала сделала ставку новая власть. Со временем происходит развитие и Автономной православной церкви, которая сохраняла подчинённость Москве. Обострение отношений между православными конфессиями в Харькове, в том числе вокруг церковных помещений, не могло не отразиться на способности православной церкви удовлетворить религиозные потребности местного населения, вообще поддержать простого человека в тяжёлую годину оккупации. А потребность в этом была большая.

В сфере образования новая власть разрешила открыть 4-классные народные школы. Всего в 1942 году было открыто 23 начальные народные школы, в которых было 263 класса и 8 967 учеников [9, ф. Р-2982, оп. 4, д. 184, л. 66]. Численность учеников сильно колебалась по месяцам, временами посещение школ было недостаточным. В мае 1943 года школы посещало 3 541 человек [9, ф. Р-2982, оп. 3, д. 11, л. 4]. Эти показатели намного уступали довоенному времени, когда, например, в 1940 году в Харькове насчитывалось 138 школ и более чем 96 тыс. учеников [16, с. 40].

Четырёхклассная начальная школа на Харьковщине, как и вообще в Украине, была фактически едва ли не единой формой общего образования населения, разрешённой немецкой властью. Тем не менее, в Харькове, при власти военных, существовали определённые особенности. Планировалось открытие школ высшей ступени: 5 – 7-х классов народной школы, вместе с общеобразовательными школами в Харькове в начале 1943 года работали 6 нижних профессиональных и 6 музыкальных школ [10, ф. Р-2982, оп. 5, д. 26, табл. 5]. Но наибольший интерес представляют попытки наладить учебный процесс в двух высших учебных заведениях – Харьковской консерватории им. Лысенко и художественном институте. В 1942 году Харьковская консерватория под руководством профессора В. Комаренко осталась едва ли не единственной в Украине, где проводились учебные занятия [10, ф. Р-2982, оп. 1, д. 6 с, л. 66], тут были зарегистрированы 50 педагогов и больше 100 студентов. И всё же со временем её деятельность перебирает всё больше концертное направление. Только летом и в сентябре 1942 года силами консерватории было дано свыше 200 концертов лишь для немецких вооружённых сил [10, ф. Р-2982, оп. 3, д. 75, л. 62].

Неоднократные попытки наладить полноценный учебный процесс делались и в Харьковском художественном институте. Однако, несмотря на все усилия, художественный институт не смог развернуть полноценной учебной работы. В конце концов главной для института стала производственная деятельность. Профессора и студенты института рисовали портреты немецких военных (от солдат до генералов), украинских исторических деятелей, устраивали выставочные салоны художественных произведений преимущественно для немцев. Только в декабре 1941 года они продали немцам свои произведения на сумму 100 000 руб. [10, ф. Р-2982, оп. 1, д. 6 с, л. 66; оп. 3, д. 69, л. 6; д. 75, л. 6].

Вместе со сферой образования новая власть проявляла интерес и к другим областям культурной жизни Харькова. В конце 1941 года были сформированы театральные труппы украинского драматического театра под руководством И. Гирняка и опер-

ного театра во главе с В. Ходским. И хотя значительная часть довоенных актёрских сил была эвакуирована на восток, что не могло не сказаться на уровне спектаклей, их репертуаре, в Харькове всё же остались некоторые известные актёры. Среди них — Б. Гмыря, М. Неделько, М. Горохов, К. Морозова, М. Копнин, Т. Рожок и др. [14, 1941, 7, 28 декабря].

Украинский драматический театр им. Т. Г. Шевченко в период оккупации ставил драмы, оперы, оперетты, балеты, давал концерты для военных и местного населения. Военные занимали место в партере, а местное население — на галёрке. В воскресенье спектакли давали лишь для военных [14, 1942, 17 ноября; 9, ф. Р-2982, оп.1, д. 8, л. 91].

Харьковская национальная опера обслуживала сначала преимущественно немецкие вооружённые силы, поэтому и репертуар складывался по требованию немецкого командования. Среди других спектаклей были «Кармен», «Паяцы», «Травиата», «Цыганский барон», «Корсар», «Лебединое озеро» [1941, 28 декабря; 1942, 17 февраля, 9 июля]. Со временем репертуар был расширен, начали давать отдельные спектакли и для гражданского населения.

Артисты национальной оперы и музыкально-хоровые труппы давали большое количество концертов для немецких войск и для гражданского населения. Среди наиболее известных трупп были украинский национальный хор под руководством В. Ступницкого, оркестр народных инструментов под руководством В. Комаренко, ансамбль бандуристов, концертно-эстрадное бюро.

Значительно более широкую аудиторию зрителей собирали во времена оккупации городские кинотеатры. Первый из них был открыт уже в ноябре 1941 года сначала только для военных, а со временем — и для гражданского населения. За десять месяцев здесь было продемонстрировано 36 фильмов, которые просмотрело около 108 тыс. харьковчан и свыше 270 тыс. немецких военных [14, 1942, 13 сентября]. В июне 1942 года в помещении театра им. Т. Г. Шевченко был открыт самый большой кинотеатр города на 1000 мест для гражданского населения. Здесь де-

монстрировались преимущественно немецкие художественные фильмы, военная хроника, пропагандистские ленты, как, например, «Жизнь рабочего класса в Германии», «Жид Зисс» и др. Даже пропагандистская направленность сеансов не отвращала харьковчан от кино, которое становилось событием в подвоенных буднях города.

Немалый интерес у местного населения и немецких военных вызывали харьковские музеи. До войны в Харькове было четыре больших музея и две картинные галереи — музей революции, исторический, археологический и краеведческий. В них сохранялись богатейшие фонды. Накануне оккупации города все самое ценное из них было вывезено на восток, но всё-таки осталось немало экспонатов. После прихода немцев городская управа объединила все музеи, кроме художественных, в один «Музей Слобожанщины». В 1942 году с его экспозицией ознакомились 3 090 посетителей [9, ф. Р-2982, оп. 5, д. 26, табл. 6].

До войны в Харькове было также два художественных музея — Украинская государственная картинная галерея и галерея картин Т. Г. Шевченко. Эвакуация их ценностей на восток происходила в чрезвычайно трудных условиях. Много не удалось эвакуировать, шедевры остались в Харькове. Не удалось эвакуировать 667 произведений С. И. Васильковского, 124 произведения П. А. Левченко, 14 картин Айвазовского, часть холстов Г. Г. Мясоедова, В. А. Серова, И. Е. Репина, В. А. Тропинина, И. И. Шишкина, В. А. Поленова, все скульптуры и много других произведений [17, 1995, №1, с.31 — 38]. Больше посчастливилось галерее картин Т. Г. Шевченко: из нее вывезли 89 % экспонатов первой и второй категории, в том числе 580 из 606 оригинальных произведений Т. Г. Шевченко [17, 1995, №1, с.31 — 38].

С началом оккупации города началась работа по возобновлению деятельности картинной галереи, и были развёрнуты 6 отделов. Но почти до конца 1942 года по приказу оккупационной власти галерея была закрыта для местного населения и потому её посещали лишь немецкие военные. Всего за 1942 год их было 2 647 человек [9, ф.2982, оп. 5, д. 26, табл. 6]. 30 октября 1942 года комендант города посетил художественный музей и дал

согласие на его открытие для гражданского населения, но только для организованных экскурсий, да и то лишь по воскресеньям, учитывая то, что так будет удобнее присматривать за посетителями [9, ф. 2982, оп. 2, д. 28, л. 17 — 23].

Вместе с театрами и музеями немалой популярностью у немецких военных и местного населения пользовались традиционные места отдыха харьковчан. Кто-то играл в футбол — как украинские полицаи и немецкие военные в мае 1942 года. Первая их встреча закончилась с результатом 2:2, а следующая — 2:0 в пользу представителей более сильного государства [14, 1942, 8 и 16 мая].

Большой популярностью у немецких военных и местного населения пользовался харьковский зоосад. Он хотя и утратил большую часть растительности и животного царства, всё же поддерживался в хорошем состоянии. Летними вечерами, в особенности по воскресеньям, сад был переполнен, играл оркестр. Немецкие военные собирались возле клетки, где купались белые медведи, а харьковчане — около вольеров с обезьянами. Только с 1 мая до середины июля 1942 года зоопарк посетило 53 тыс. человек [14, 1942, 15 июля]. Существовали и некоторые другие популярные места отдыха, в том числе водная станция на речке Лопань, возле Екатеринославского моста, где летом 1942 года было 19 лодок и 3 байдарки [14, 1942, 23 августа]. Короткое время общения с живой природой возвращало людей к мирному времени, лечило искалеченные войной души как харьковчан, так и немецких солдат, скрашивало беспросветное убожество жизни и становилось небольшим островком надежды в бушующем океане войны.

Война принесла простым людям Харькова огромные беды. Демографические потери города были невиданными, ни с чем не сравнимыми. Перед войной численность населения Харькова составляла 900 тыс. человек, а в августе 1943 года, накануне освобождения города, около 200 тыс. человек. Такой была дань харьковчан молоху войны. Довоенная численность населения была достигнута лишь в конце 50-х годов.

Литература

1. Гудков Л. Большая победа и мифы о большой победе // Знание — сила. — 2001. — № 5. — С. 8.
2. The People's War. Responses to World War II in the Soviet Union. — Urbana and Chicago, 2000.
3. Коваль М. В. Друга світова війна та історична пам'ять // Укр. іст. журн. — 2000. — № 3.
4. Лисенко О. Є., Патриляк І. К. Розкол ОУН (1939–1940) // Укр. іст. журн.: 36. док. — 2000. — № 5.
5. Коваль М. В. Нацистський геноцид щодо євреїв та українського населення // Укр. іст. журнал. — 1992. — № 2.
6. Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГОУ).
7. Reitlinger, Gerald. Ein Haus auf Sand gebaut. Hitlers Gewaltpolitik in Rußland 1941 – 1944. — Hamburg, 1962.
8. Центральний державний архів вищих органів влади України (ЦДАГОВУ).
9. Государственный архив Харьковской области (ГАХО).
10. Bundesarchiv-Militärarchiv (Freiburg) (BA-MA).
11. Семенко Ю. Пам'яті В. А. Доленка. — Мюнхен, 1975.
12. Гурченко Л. Аплодисменты. — М., 1987.
13. Дейтон Л. Вторая мировая: ошибки... промахи... потери... — М., 2000.
14. Нова Україна.
15. Gerlach Christian. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weissrussland 1941 bis 1944. — Hamburg, 1999.
16. Харьков. Краткая справочная книга. — Х., 1977.
17. Київська старовина. — 1995. — № 1.